

Когда Ван Цань пришёл в себя, перед глазами стояла сплошная темень. Осмотревшись, он понял, что заперт в тесной, абсолютно лишённой окон камере.

Единственным источником света была тусклая масляная лампа, чей фитиль едва теплился, отбрасывая на стены дрожащие, призрачные тени.

— Эй! Есть тут кто-нибудь?! Отзовитесь!

Но ответом ему был лишь собственный голос, гулким эхом отразившийся от каменных сводов. Вокруг стояла мёртвая тишина.

Липкий, леденящий страх перед неизвестностью медленно пополз по его спине.

Время тянулось невыносимо долго. Наконец тяжёлая дверь со скрипом отворилась, и на пороге показался высокий силуэт. В неверном свете лампы Ван Цань узнал вошедшего — это был Вэй Шаньцюэ.

— Ты?! — выдохнул Ван Цань, тщетно пытаясь разглядеть лицо врага. — Да ты хоть понимаешь, что творишь? Самоуправство и тайное пленение — это прямое нарушение законов империи!

— Хм, — Вэй Шаньцюэ тихо, насмешливо фыркнул. — А ты всерьёз полагаешь, будто хоть одна живая душа узнает, где ты находишься?

Глава Вэй слегка повёл рукой. Тут же из темноты выступил подручный — один из агентов Восточного цеха — и грубо натянул на глаза Ван Цаня плотную чёрную повязку.

— Что... что ты задумал?! — в панике закричал пленник, забившись в путах.

— В застенках Восточного цеха есть одна любопытная пытка, — неторопливо, с пугающим спокойствием заговорил Вэй Шаньцюэ. — На теле осуждённого делают крошечный надрез, а рану обрабатывают особым снадобьем, которое не даёт крови свернуться. И потом мы просто наблюдаем, что произойдёт раньше: бедолага испустит дух от потери крови или же его разорвёт от ужаса.

В то же мгновение Ван Цань почувствовал резкую, обжигающую боль в запястье. Его руки тут же растянули и закрепили на деревянных подпорках.

И следом в тишине раздался отчётливый, размеренный звук:

Кап.

Кап.

Он ясно слышал, как его собственная тёплая кровь падает в стоящий внизу таз.

Рассудок Ван Цаня помутился от ужаса. Содрогаясь всем телом, он истошно взмолился:

— Глава Вэй! Пощадите! Я виноват, кругом виноват! Сжальтесь, молю, отпустите меня на этот раз!..

Вэй Шаньцюэ лишь презрительно усмехнулся.

На самом деле кожа на запястьях Ван Цаня осталась совершенно целой, а пугающий звук издавала обыкновенная вода, мерно капающая из подвешенного сосуда.

Но прикрученный к столбу пленник, ослеплённый повязкой, даже не догадывался об обмане. Животный страх полностью завладел им — несчастный забился в путах, и его штаны потемнели от хлынувшей под себя влаги.

Больше не устаивая его вниманием, Вэй Шаньцюэ бесшумно покинул камеру. Уходивший следом подручный задул масляную лампу.

Помещение погрузилось в непроглядную, удушающую тьму. А в ушах несчастного продолжал стучать безжалостный метроном:

Кап... кап... кап...

Не прошло и половины дня, как агент Восточного цеха явился к главе с докладом:

— Достопочтенный глава, Ван Цань испустил дух. Не выдержало сердце — умер от разрыва.

Вэй Шаньцюэ даже не поднял головы от стола, его кисть продолжала выводить изящные штрихи на бумаге.

— Отвезите тело обратно в тюрьму.

Поклонившись, агент Восточного цеха бесшумно удалился.

На белоснежном свитке под рукой главы Восточного цеха уже оживала картина: закатное

солнце, медленно тонущее в бескрайних песках заставы. Стоило прикрыть глаза, и сквозь тишину кабинета пробивался свист степного ветра, смешанный с тоскливым плачем кочевой флейты-хуцзя.

— Наставник! — в комнату ураганом влетел весёлый Пэй Чанъин, бережно сжимая в ладонях крупного голубя. — Погляди, какого красавца я только что раздобыл! Продавец божился, что птица учёная, знает все дороги и сможет доставлять наши письма!

Вэй Шаньцюэ лениво поднял взгляд от свитка, окинул пернатое приобретение мимолётным взглядом и сухо уронил:

— Это мясной голубь.

— Что?! — Чанъин опешил. Неужели он выложил целых два лана серебра за обыкновенную домашнюю птицу, пригодную разве что на суп?

Стоявший неподалёку Лин Сяо так и прыснул от злорадства:

— Ну я же тебе говорил, что его только в котелок отправлять, а ты: «Не верю, не верю!».

— Ох... — протянул юноша, уныло разглядывая пухлую птицу.

Отдать два лана за ужин казалось верхом расточительства.

«Ну уж нет, — упрямо подумал Чанъин, — просто так я не сдамся. Мой Мяско станет выдающимся почтовым голубем, чего бы мне это ни стоило!»

Лин Сяо усмехнулся:

— Надо же, ты ему уже и имя дать успел? Мяско? Очень символично для супового набора.

Вскоре вошёл слуга и доложил, что у ворот усадьбы бьёт челом молодой человек, представившийся Чжоу Байшу.

— Чанъин! Умоляю, заставь меня служить, заberi меня в военный лагерь!

Едва Пэй Чанъин переступил порог, как истомившийся у ворот Чжоу Байшу коршуном бросился к нему на шею.

Чанъин вовремя выставил ладонь, упёрся приятелю в лоб и решительно пресёк попытку удушающих объятий.

— Да что с тобой стряслось?

— В лагерь мне надо, срочно! — взмолился тот. — Дома житья совсем не стало, дышать не дают!

Наследный принц Кан хныкал и причитал столь шумно, что их живописная сцена у ворот поместья главы Восточного цеха уже начала привлекать нежелательные взоры прохожих. Поняв, что добром это не кончится, Чанъин увлёк плачущего гостя в ближайшую чайную, где они поспешно сняли отдельный тихий кабинет на втором этаже.

Усевшись за стол и скрестив руки на груди, Чанъин выжидающе уставился на друга:

— Ну, выкладывай. Что стряслось в твоём благородном семействе?

Чжоу Байшу шмыгнул носом, утёр театральную слезу и уныло поведал:

— Да эти... домашние... Женить меня вздумали. Свадьбу сыграли...

К слову, молодая супруга наследного принца была чудо как хороша: и ликом прекрасна, и нравом кротка, да и происхождением из весьма почтенного рода.

— Ну и радовался бы, — пожал плечами Чанъин. — Разве плохо?

— Да не перебивай ты! — в сердцах отмахнулся Байшу.

Сначала он и сам остепениться думал — твёрдо решил стать примерным мужем, жить в ладу и согласии. Но стоило им остаться наедине в брачную ночь, как новоиспечённая супруга завела разговор о том, чтобы немедля приставить к нему свою личную служанку в качестве наложницы для услад.

Байшу от такого щедрого предложения наотрез отказался. Но жена не унималась: решила, будто муж ею пренебрегает или она сама чем-то не угодила благоверному, и принялась горько рыдать.

Несчастный наследник перепугался до смерти и, так и не изведав прелестей первой брачной ночи, со страху дал дёру из родного дома.

Выслушав эту трагикомедию, Чанъин только сочувственно покачал головой.

«Надо же, — подумал он с лёгкой дрожью, — до чего же пугающая штука эта ваша женитьба!»

— Вот потому я и прошу: забери меня в лагерь! — горячо воскликнул Байшу. — На порог родного дома больше не ступлю!

Однако Чанъин лишь сокрушённо вздохнул и покачал головой. Легко сказать — в лагерь! Чжоу Байшу был не просто юнцом с улицы, а наследным принцем Кана. И если отношение самого князя к подобной эскападе предсказать трудно, то любящая матушка, княгиня Кан, которая души не чаяла в своём единственном чаде, ни за какие коврижки не позволила бы сыну месить лагерную грязь и терпеть тяготы армейской службы.

<http://bllate.org/book/20384/2238441>